

Феноменология уютного
(К эстетической характеристике дома и домашних вещей)

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.

С. Есенин

В центре внимания этой работы — мир домашних вещей. Однако нас они интересуют не сами по себе, а как предметная составляющая того эстетического опыта, который по-русски определяется как *«чувство уюта»*. При этом мы будем исходить из общих положений разрабатываемой нами феноменологии эстетических расположений (*эстетики Другого*), оставляя без специального анализа те ее понятия, которые уже были введены и разработаны нами в других работах¹. В концептуальном пространстве этой теории под эстетическим опытом понимается *опыт чувственной данности особенно, Другого*, а эстетика понимается как феноменология эстетического опыта, кристаллизующегося в более или менее устойчивые «фигуры» (в так называемые *эстетические расположения*). *Вещи, вовлеченные в такой опыт и помещенные этим опытом в качестве эстетически значимых вещей, определяют собой поле феноменолого-эстетических исследований.*

Что же представляют из себя окружающие нас в быту вещи, если рассмотреть их способность создавать условия для пробуждения в человеческом сердце эстетического чувства того или иного рода? Вопрос этот предполагает рассмотрение широкого круга эстетических переживаний и предме-

---

¹ Основные понятия эстетики Другого были разработаны и обоснованы нами в следующих работах: *Лишаев, С. А.* Эстетика Другого. Самара, 2000. *Лишаев, С. А.* Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. Самара, 2003.

тов эстетического опыта. Однако постольку поскольку специфическим для домашней среды эстетическим эффектом является «уютное» и постольку уют обнаруживает себя как эффект, производимый на человека «домашней средой» в целом, то будет логично, если мы приступим к анализу домашних вещей именно с этого расположения.

Ведущий вопрос этой работы, стало быть, таков: *какова эстетическая конституция «уютного» и каковы те предметные условия, которые способствуют возникновению этого специфического для домашнего мира эстетического расположения?*

І. Что значит — быть дома?

Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют, —
Ветер воет, на рассвете
Волки зайчика грызут.

Н. М. Олейников

Мир. Дом. Человек. Дом — это самое «обжитое место». Это место, где человек находится в гармонии с самим собой или хотя бы приближается к этому блаженному состоянию. Никто не усомнится, что дом имеет для человека *не только утилитарное, но также и символическое значение*, прочно связанное с религиозно-мифологическими представлениями, бытовыми предрассудками и философскими идеями. О городе, о стране, о мире в целом мы говорим — это наш дом. По модели «дома» человек мыслит мир, и, наоборот, миропонимание человека во многом определяется тем, как он обустроивает свое жилище. Дом — это место, откуда уходят и куда возвращаются. Каждый из этапов человеческой жизни можно рассмотреть через его отношение к дому. Начинается жизнь с освоения родительского дома, продолжается в отрыве от родового гнезда и строительстве собственного. Зрелость сопряжена с обретением дома, а смерть — с выносом из него покоящегося в гробу тела²...

Конкретный дом реализует идею дома лишь до некото-

² Гроб в старину именовался «домовиной».

рой степени. Идея дома — горизонт для эмпирически конкретных домов, горизонт, в котором осуществляется их исторически и биографически конкретное бытие. Дом есть нечто *уже* утраченное или *еще не* обретенное. Это дом нашего детства и/или дом, в котором мы никогда не жили, но хотели бы жить (наш будущий дом). Идея дома присутствует как «тоска по дому», которая особенно остро ощущается человеком «у себя дома». Когда дома нет, человек всеми силами стремится его обрести. Когда дом у него появляется, он понимает, что квартира, коттедж, особняк — еще не «настоящий дом». Быть может, дом для того и нужен человеку, чтобы осознать, что и здесь он — не дома и что надо вновь отправиться на его поиски³...

Итак, дом — это мир в миниатюре, символ целого. В строительстве дома человек обнаруживает себя как существо, ищущее гармонии, то есть — мира. Чтобы почувствовать себя «не дома», надо уже иметь чувство дома, надо носить в душе представление о доме как прообразе целого. Особенно остро переживаемая в эпоху модерна тоска по дому — это все та же ностальгическая тяга «к корням», «к традиции», «к простоте и органичности жизни», внешние проявления которой очень разнообразны: от стремления горожанина обзавестись загородным домом, чтобы жить «ближе к природе», — до кропотливой работы по созданию генеалогического древа, от любви к «наивному искусству» — до культивирования национальной кухни, от моды на аутентичность в исполнении старинных музыкальных произведений — до повышенного внимания интеллектуалов самых разных направлений к ностальгической философии Хайдеггера, от участия в движении за сохранение окружающей среды — до воцерковления.

В прошлом тоска по дому нередко конкретизировалась в форму тоски по «отчому», «родительскому» дому. Сегодня она все чаще оказывается лишенной конкретности, не связанной с каким-то определенным домом, постольку все больше

³ М. Хайдеггер в работе «Что такое метафизика» укореняет философию в таком настроении, как «ностальгия»: «Философия, — полагает Хайдеггер, — есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома». Быть дома «повсюду» — значит быть дома «в мире».

и больше людей вырастает без того, что в прежние времена называли «родительским домом» или «родовым гнездом». Непрестанно переезжая из общежития в общежитие, из квартиры в квартиру, из дома в дом, из города в город, из страны в страну люди сегодня почти вовсе лишены возможности созерцать образ «отчего дома» как модель, руководствуясь которой человек строил бы свой собственный дом.

Тяга «быть дома» как тяга к обретению гармонии с самим собой обнаруживает себя в упорных попытках человека эпохи модерна и постмодерна построить (или отремонтировать, перепланировать) свой дом. При этом само представление о настоящем доме оказывается в очень незначительной степени заданным традицией, и, как следствие, человек сегодня не может устроить свой очаг, просто исходя из традиционного канона «настоящего дома». Дом сегодня, если говорить о его эстетической составляющей (дом как место, где «я хорошо себя чувствую»), формируется не столько традицией, сколько строительной, мебельной и другой промышленностью, разрабатывающей и выпускающей «товары для дома», он «конструируется» усилиями дизайнеров, журналистов, средств массовой информации, с одной стороны, и выбором, который делает хозяин дома из всего многообразия моделей «настоящего дома», с другой.

Главное требование, которое человек предъявлял к дому в прошлом и которое он предъявляет к нему в настоящем, можно попытаться сформулировать следующим образом: в доме не должно быть ничего не-у-местного, пространство дома — это пространство, где человек чувствует себя спокойно или, как говаривали в старину, «покойно». В наши дни дом для горожанина, работающего не «на дому», а вне дома, — это противоположность «работе», где человек принадлежит не самому себе, а «другим», где он вовлечен в функционирование «общественного механизма», в добывание средств к существованию и в непрерывную адаптацию к стремительно меняющимся условиям социальной среды.

Ожидания, которыми нагружен образ дома, если говорить о наиболее традиционных, устойчивых и общераспространенных ожиданиях, кристаллизованы в понятии «*уют*» («*уютности*»). Если попытаться выразить общее эстетичес-

кое впечатление от дома, который мы только что посетили, то скорее всего это будет сделано именно в терминах уютности/неуютности. Собственно говоря, определяя в терминах уютности/неуютности наше восприятие дома другого человека, мы определяем то, насколько он удался как дом в экзистенциально-эстетическом его измерении, насколько он удовлетворяет человеческому стремлению к обретению «дома» как реализовавшейся гармонии, как прообраза гармонии Целого. Пожалуй, жить в неуютном доме — это значит (в эстетическом смысле) вообще *не иметь дома, не чувствовать себя дома* в своем собственном доме. Для того, чтобы стать домовладельцем (обзавестись «недвижимостью»), нужно иметь деньги, для обретения уюта — этого мало. Что же делает дом уютным или неуютным? Попробуем как можно подробнее проанализировать феномен «уютного» и те (пре)эстетические условия, которые способствуют обретению или утрате «уюта» как особого эстетического расположения.

Юр и (у)ют: к вопросу о смысловом горизонте уютного.

Концептуализация мира в языке, предшествующая его описанию и анализу. Рассматривая опыт, вошедший в сферу повседневной жизни человека, в область того, что Гуссерль назвал «жизненным миром», мы анализируем опыт, уже каким-то образом зафиксированный и истолкованный на уровне разговорной речи, в языке повседневного общения.

Если эстетический анализ представляет собой попытку вдумчивого описания особенной области человеческого опыта в многообразии входящих в эту область эстетических феноменов, то ее реализация на уровне исследования конкретного эстетического феномена прежде всего предполагает его выделение из множественности настроений, переживаний и расположений, в которые, как в океан, погружен человек. В данном случае мы будем иметь дело с феноменом «уютного». Однако опыт существует для нас (дан нам) лишь постольку, поскольку он получил свое словесное выражение. *Рефлексия над опытом (всегда уже как-то осмысленным на уровне языка) представляет собой не что иное, как углубление (трансформацию) исходного понимания того слова, семантическим полем которого предмет феноменологического*

описания изначально был задан. Анализируя феномен «уютного», мы проясняем и *обогащаем* семантику русского слова «уют». Но, с другой стороны, углубляясь в исследование семантического потенциала слова «уют», мы одновременно проясняем для самих себя наш опыт (в данном случае — опыт уютного).

Таким образом, исследователь, отправляясь от языкового предпонимания предмета исследования (в нашем случае — от чувства уюта), возвращается к нему же, отдавая его родному языку и культуре в логически проработанном и переосмысленном виде.

В словаре Ожегова и Шведовой читаем: «**УЮТ**, -а, м. Удобный порядок, приятная устроенность быта, обстановки. *Создать уют в доме. Домашний уют. УЮТНЫЙ*, -ая, -ое; -тен, -тна. Обладающий уютом, удобный и приятный, дающий уют. *Уютная квартира. Уютно* (нареч.) *устроился на диване. В доме уютно* (в знач. сказ)»⁴.

Если отправляться от данных словаря Ожегова и Шведовой, можно утверждать следующее: толкование слова уют, во-первых, отсылает нас к некоторому «порядку», причем к порядку, созданному человеком, а не данному природой, во-вторых, уют предполагает «удобство в быту», и в-третьих, он связан еще и с *положительным эмоциональным фоном*, сопровождающим «удобный порядок», царящий в домашней обстановке. Однако семантическая характеристика, предлагаемая этим словарем, представляется нам недостаточной, требующей конкретизации. Прежде всего, когда мы говорим об уюте, следует отметить, что уют не есть простое следствие «удобства» и «порядка» в домашней обстановке, а «приятное» — еще не значит «уютное». Если поставить вместо слова «уют» слово «комфорт», то менять в толковании слова ничего не придется, хотя очевидно, что когда мы говорим «это комфортная квартира», мы имеем в виду нечто другое чем в случае, когда мы утверждаем, что «эта квартира уютная». Специфика «юта» в его отличии от близкого, но в то

⁴ Большая электронная энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003.

же время и далекого от него «комфорта», в толковании словаря Ожегова-Шведовой не ухватывается. В доме «с удобствами», где поддерживается «порядок», может не хватать уюта, в доме, где мало удобств и вещи находятся не на своих местах, нам может быть очень уютно. То же и с «приятным». Думаю, что слово «приятное» больше подходит для комфорта, чем уюта. Квартира может быть сколь угодно «приятно устроена», но при этом не переживаться как «уютная». Мы легко можем представить себе приятные на вид стены, потолки, люстры, мебель... — в общем, приятную на вид квартиру, в которой отсутствует уют. Испытывать «приятные ощущения» — совсем не то, что иметь «чувство», в частности такое, как чувство «юта»⁵.

У В. Даля мы находим более пространное толкование «юта», дающее основания несколько иначе взглянуть на семантическое ядро этого слова: «**УЮТ** м. уют; укромность, поместительность и удобство; тепло в покоях, подручность всего нужного и пр. комфорт. *И прочность, и уют, все было в доме том*, Крыл.» «**Уютный** дом, уютный, уютистый, укромный; небольшой, но удобный, хорошо устроенный, всем снабженный. *Одному тесно, а с семьей уютно, добро. На взморье жизни уютной обитатель*, Крыл.» «... **Уютничать**, прибирать, устраивать все в доме, около себя, чтобы было уютно»⁶.

Мы видим, что в словаре Даля, как и в современном толковом словаре, уют толкуется через понятие *удобства* (а удобство, «подручность всего нужного» предполагает определенный *порядок* «в покоях»), однако центр тяжести в толковании уюта В. Далем лежит не в «удобстве», а в идее

⁵ Приятное — суть комфортное для глаза в отвлечении от душевного переживания (приятное освещение, приятный цвет, приятная форма...). Пищевые продукты мы оцениваем на вкус и ценим их тем больше, чем приятнее и богаче вкусовые ощущения, которые они дают нам. Покупая ткань, одежду, мягкую мебель, мы касаемся ее руками, желая проверить, насколько хороша, приятна ткань «наощупь».

⁶ *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М., 1996. С. 530.

«укрытия»: уют — это для Даля «*приют*», а «уютность» связана с «*укромностью*». Дом будет тем уютнее, чем в большей мере он воспринимается как «приют»⁷, как скрытое от посторонних глаз «укромное место». Удобство есть важный момент в толковании уютного места Владимиром Далем, но не исходная его точка. Более того, Даль (вольно или, быть может, невольно) дает понять, что удобство, комфорт не есть *необходимый* момент в определении уютного. Несводимость уюта к удобству и, более того, маргинальность удобства в толковании «уюта» выявляет цитата из басни Крылова, которую приводит В. Даль: «*На взморье хижина уютной обитель*». Если хижина потому и хижина, что лишена удобства, то «поместительность и удобство» в толковании уюта явно отходит на второй план⁸. Удобства *способствуют* возникновению чувства уюта, но сами по себе они недостаточны для определения существа уютного. Не случайно в русском языке английское слово «комфорт»⁹, значение которого близко,

⁷ Уют одного корня с приютом, и оба отсылают нас к глаголу «ютить», «ютиться». **ЮТИТЬ** кого, приютать, ухичать, дать приют, пристанище; укрывать, прятать. *Ютил я его, как родного, а он меня же корит!* — **ся**, приучаться, искать приюта; пристраиваться, приманиваться, гнездиться. *Ютится под навесом, от дождя* (Даль, В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 670). Человек прячется, укрывается от грозящей ему со всех сторон неопределенности, скрывается от хаотического движения в природе, в обществе и в собственной душе. Человек ищет приюта от постоянно угрожающего ему хаоса, и если он обретает его, то такое место он называет «уютным».

⁸ По собственным детским воспоминаниям знаю, какое это удовольствие — расположиться в сооруженном собственными руками шалаше, землянке, или в сбитом из дощечек и фанерок «домике» на две-три детских спины (это летом), или в снежной пещере, устланной сосновыми ветками от новогодних елок (это зимой), когда ты — в укромном месте с друзьями, а за стенами шумит дождь или идет снег. Вот где было настоящее, подлинное чувство уюта!

⁹ «КОМФОРТ (англ. comfort), бытовые удобства; благоустроенность и уют жилищ, общественных учреждений, средств сообщения и т. п. В переносном смысле: душевный комфорт — состояние внутреннего спокойствия, отсутствие разлада с собой и окружающим миром» (Большая электронная энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003).

но не тождественно значению слова «уют», не вытеснило его из повседневного обихода и не стало его синонимом, продолжая существовать рядом с ним так же, как проза жизни существует рядом с поэзией. Если словом «комфорт» в русском языке обозначается «удобство» и связанное с ним удовольствие, то «уют» ни в коей мере не сводим к «удобствам». Вот почему нельзя согласиться с тем, что большинство толковых и этимологических словарей¹⁰ связывает уют с удобством, уводя тем самым читателя в сторону от семантического ядра слова «уют» его толкования как *при-юта, убежища, укрытия*¹¹. Различие семантических полей слов

«КОМФОРТ, -а, м. Условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют. *Устроиться с комфортом. Психологический к.*» (Толковый словарь С. И. Ожегова и И. Ю. Шведовой. Цит. по Большой электронной энциклопедии Кирилла и Мефодия, 2003). Как видим, комфорт трактуется энциклопедией и словарем именно как «бытовые удобства». Интересно, что слово «комфорт» оказывается синонимично слову «уют» лишь в том случае, когда оно употребляется не в прямом, а в переносном смысле («душевный комфорт»).

¹⁰ В Историко-этимологическом словаре П. Я. Черных мы, в частности, читаем: «УЮТ, -а, м. — совокупность удобств, расположение и расстановка вещей, предметов — то, что делает жилище удобным и красивым» (Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 298).

¹¹ Не смотря на то, что современные толковые словари связывают уютное с удобным, в отечественном языкознании есть и голоса, которые выражают иную позицию. Единственная известная нам работа по русской семантике, в которой тематизируется слово «уют», интерпретирует его через идею «укрытия», «замкнутого пространства». Работа эта принадлежит московскому лингвисту А.Д.Шмелеву. В своей работе он интерпретирует уют через противопоставление простору. «Наряду с тягой к большому открытому пространству, к простору, в русской культуре представлена также, хотя и менее ярко выражена, любовь к небольшим закрытым пространствам, к уюту. Отгораживаясь от „холодного ветра простора“, человек надеется обрести душевный мир и покой. Выходя на простор, человек попадает в огромный мир, где его могут подстергать различные опасности. Поэтому естественно стремление спрятаться, укрыться от них, найти уютный уголок, где человеку было бы уютно и ничего не грозило. <...> Связь уюта с идеей укрытия проявляется в том, что

«уют» и «комфорт» с полной ясностью обнаруживает себя в случае, если мы попытаемся применить эти имена не по отношению к «домашнему миру», а по отношению к вещам по ту сторону домашних стен. Мы можем сказать: «уютный двор», «уютная поляна», «уютная долина», но никак не «комфортный двор», «комфортная поляна» или «комфортная долина». Уют базируется на идее приюта, убежища, а комфорт говорит о том, что делает жизнь более удобной, легкой, приятной, благодаря развитию техники. Ограниченное, замкнутое пространство двора, поляны, долины воспринимается как приют, как «укромное место», которое может служить местом для отдыха, где человек имеет возможность укрыться и привести себя в порядок (*гармонизировать*) состояние своего тела и духа¹². Понятно, что комфорт, обозначающий те удобства, которые дает человеку цивилизация, оказывается не применим к описанию того, что чувствует человек за стенами своего жилища.

Полагаю, что задача истолкования слова «уют» может быть решена посредством его помещения в семантическое поле слова «приют», с которым оно состоит в близком этимологическом (и семантическом) родстве. В подтверждение сошлемся на авторитет П. Я. Черных, отмечавшего, что «в этимологическом отношении *приют* (и производ.) связаны с уют и *ютить(ся)*... Глаг. *ютить(ся)*, возможно, позднее

упоминание об уюте нередко соседствует с указанием на то, что за окнами дождь, холод, война, революция. Так, герои „Белой гвардии“ М. Булгакова отгораживаются от крушения мира кремовыми шторами. Иными словами, для уюта требуется отдельное обжитое пространство, хотя и маленькое, но свое, отгороженное, а отгороженность создает ощущение уюта; ср.: Емю няечка штормку повесила, / создала персональный уют! (Галич).» (*Шмелев, А. Д.* Русская языковая модель мира : материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 78–79.)

¹² Такое место (долина среди гор, речная долина, поляна в лесу) может служить приютом для человека, и, как следствие, такое место можно описывать и как «уютное» место. У Пушкина в «Бахчисарайском фонтане» читаем: «долин приютная краса». У Жуковского в «Сельском кладбище»: «И скромный памятник в приюте сосн густых». Как видим, приют и уют — вместе живут.

образование, возникшее, как и уют, вследствие переизложения слова *приют*, этимология которого не выяснена в сколько-нибудь удовлетворительной степени¹³. Если вслед за Далем толковать «уют» через «приют» («пристанище», «прибежище», «тихое уютное место»¹⁴) и «укромность»¹⁵, то на первый план в семантике уютного выйдет не «удобство», а «покой», «безопасность», «тишина», «гармония»... одним словом, «мир» в противоположность «войне». Толковать «уют» через «бытовые удобства» можно, но лишь постольку, поскольку устроенность быта, его «налаженность» в какой-то мере *способствуют* покою, не забывая при этом, что не удобствами определяется онтолого-эстетическая конституция «уютного».

Итак, чувство «юта» дает человеку «приютистое» место. Найти приют — значит *обрести покой*, успокоить душу благодаря какому-то месту, где он на время оказывается «укрыт» от равнодушного и враждебного «внешнего мира». Приют — это *укрытие*, *укромное* место, в котором человек огражден от непредсказуемых и опасных сил, стихий, воля по

¹³ Там же. С. 67.

¹⁴ Там же. С. 67. У В. И. Даля же читаем: «*Приют*, пристань, пристанище, кров, скривище, убежище, прибежище, спокоище; притон. Приютами называют заведения для призрения дряхлых, убогих или сирых; богадельня; *детские приюты*, воспитательные заведения. *Где пиво пьют, там и нам приют*» (*Даль, В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 465).

¹⁵ «**УКРОМНЫЙ**, -ая, -ое — „уединенный“, „отдаленный, скрытый от посторонних взглядов“. <...> **Укромь** — „край“, „предел“, **укромити** — „отдалить“, **укромь** — „отдельно“. Ср. др.-рус. **Кромь** — „агх“ („верх“, „вершина“, „акрополь“, „цитадель“), **кромь** — „кроме“, „опричь“, „вне“, „прочь“, **кромьшный** — „внешний“ (*Черных, П. Я.* Указ. соч. Т. 2. С. 287). Интересные сведения об укромном можно почерпнуть также у В. Даля: «*Укромное местечко, укрома ж. укром* м. свое, особое, отдельное; малое и скромное, тихое; приют, притон, пристанище, одинокая отрада, уютное уединенье. *Волк в лес овцу тащил, в укромный уголок.* Крылов <...> *Живут они укромно, тихо, скромно, тесно, но уютно. Так приезжай же в мой укром, в мою укромку!* В приют. **Укромность**, свойство, качество по прилгт. [укромный], уют, комфорт» (*Даль, В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 485).

ту сторону «убежища» с его реальной, а по большей части — символической, «оградой». В таком месте человек *чувствует* себя уютно, в своем маленьком домашнем мире он чувствует себя сыном, а не пасынком, здесь его окружают «родные», а не «чужие», здесь ему и вещи, и «стены» «помогают». Для возникновения чувства уюта важна «у-кромность» жилища, стены которого — *кромка, краешек*¹⁶ своего, родного, знакомого, безопасного в противоположность чужому, неосвоенному, пугающему своей *не-известностью, не-объятностью, не-предсказуемостью мира*. То «кромешное»¹⁷, что находится за *кромкой укромного места*, создает необходимый для возникновения и усиления чувства уюта фон: чем сильнее злится непогода за стенами дома, чем тревожней обстановка за окнами дома-укрытия, тем ярче, острее чувство уюта у того (тех), кто находится под защитой домашнего *крова*.

Покой и внутренняя гармонизация «душевных движений», мир в душе — вот к чему тянется человек тогда, когда он стремится оказаться в уютном месте. *Уют* как расположение противоположено бесприютности, неприкаянности, когда человек мается, не находит себе места, когда он *слоняется из угла в угол, «как потерянный»*, и ничто ему не мило. Онтолого-эстетический смысл уютного можно прояснить через его эстетическую противоположность, то есть через *не-уютное*. Здесь, вопреки мнению таких авторитетных лингвистов, как И. Б. Левонтина и А. Шмелев, следует говорить не о *просторе*, как о противоположности *юта*, а о *юре*. *Уютному* как расположению противостоит не простор, а *бесприютность*, которая особенно остро переживается именно на «юру».

¹⁶ «**КРОМКА**, - и, ж. — „край чего-л. (напр., доски) или продольная узенькая полоска по краю ткани“, „каемка“, „вообще край, грань чего-л.“. <...> Также **кромь** — „кремль“ („огражденное стенами место“ в Пскове (XV в.))» (Черных, П. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 445).

¹⁷ «Др.-рус. (с XI в.) и ст.-сл. **Кромѣшный** — „вовне находящийся“, „внешний“. <...> Произв. (с конца XVI в.?) **кромешник** — „опричник“. Встр. у Пушкина в трагедии „Борис Годунов“, 1825 г., сц. V: Пимен (о „любимцах гордых“ Грозного): „Кромешники в тафьях и власяницах“. От **кромѣ** — вне (см. **кромѣ**; ср. **опричник** от **опричь** — „кромѣ“)» (Черных, П. Я. Там же. С. 445.)

Антоним к глаголу «ютиться» — глагол «юриться». У Даля мы находим весьма любопытную характеристику слов «юриться» и «юр»: «**Юрить**, метаться, суетиться, соваться во все концы; спешить, торопить и торопиться; кипятить, нудить, нукать, нетерпеливо сдобляться, собираться; // кишеть, заботливо или играя толпиться, суетиться; толкаться туда и сюда. <...> «**Юр** м. где народ юрит, бойкое, открытое место, где всегдашняя толкотня, и пр. торг, базар, шумный рынок. *На мельнице юр-юром*, завозно, много народу. *Лавка на юру, на самом углу рынка* // Лобное, открытое вокруг место, где погода юрит вольно, где нет затишья, особ. от зимних вьюг, метелей. *Дом, усадьба на юру* <...> *На юру*, на сквозном ветру, на распутии, на холму, на тору; в толпе»¹⁸.

Слово «юр», в отличие от слова «простор»¹⁹, не только указывает на открытое пространство, но еще и акцентирует в этой открытости беспорядочное, хаотическое движение «на просторе», где человеку негде спрятаться от «разгула стихии». *На юру* — холодно, там дуют пронизывающие насквозь ветры, *юр* — это «для чего угодно» открытое место; там, на юру, шумно, суетно, беспокойно, там все непрерывно меняется, там торопятся и толкаются.

«У-ют-ное» место²⁰ — это место, защищенное от ветра, это тихая гавань, где все знакомо, любимо и где всего «в меру»: и людей, и вещей; где человек, в заботах и хлопотах проводящий рабочий день на улицах и площадях, в цехах и конторах, может «передохнуть», «набраться сил», «отрешиться от дел».

¹⁸ *Даль, В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 668.

¹⁹ О том положительном, высоко ценимом русским человеком спектре значений, с которым сопряжено лингвоспецифичное слово «простор» можно прочитать в прекрасной статье И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева, а также в уже цитированной книге А. Шмелева (см.: *Левонтина, И. Б.* Родные просторы. Логический анализ языка. Языки пространств / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М., 2000. С. 338–347).

²⁰ Судя по всему, корень «ют», в противоположность корню «юр», означает закрытое, спокойное место. Во всяком случае, и слово «при-ют» (в компании с глаголами «ютить», «приючать»), и слово «у-ют» отправляются от корня «ют» и оба означают укрытие, защищенное от стихии место.

Юр — это, в противоположность (у)юту, открытое, бес- покойное место, чья «неогороженность» воспринимается и переживается не как отсутствие ограничений и преград для человека (именно такой смысловой горизонт встает за линг- воспецифическими словами «простор», «воля», «приволье»), а как уязвимость, незащищенность перед превосходящими его психо-физическую размерность силами, которые со всех сторон окружают его в таком месте. И если *простор* имеет в русской культурной традиции положительные ценностные и эмоциональные коннотации, если его связывают не только с *волей*, но также и с *покоем* (вспомним пушкинское: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»), то открытое пространство, концептуализированное в слове «юр», имеет негативную ценностно-эмоциональную окраску. На юру рождается не чувство покоя и воли, а чувство неприютности, неприкаянности, тоски. При всей смысловой противоположности концептов «открытость» и «закрытость», вербализованных в словах «простор» и «уют», они сходятся в том отношении, что и опыт простора, и опыт уюта — *это опыт онтологически и эстетически утверждающий*. И тот, и другой опыт равно сопряжены в нашем сознании с чувством покоя, умиротворенности. Однако покой «уютной обстановки» и чувство покоя, возникающее тогда, когда тебя со всех сторон объемлет открытое пространство, — это разные эстетические расположения. Отличие *покоя уюта от покоя, который душа находит «на просторе»*, сопряжено с различием в предметности, вовлеченной в эстетическое расположение. Чувство защищенности, покоя, посещающее человеческую душу в уютной обстановке, и открытость солнцу и ветру «на просторе», «на вольном воздухе» равно способны успокоить раздранную в суতোлке рабочих будней душу, но в одном случае такому успокоению способствует пространственное **ограничение** мира и погружения человека в предельно антропоморфизированную среду дома-микрокосма, а в другом — **расширение** пространства сверх обычного для цивилизованного человека городского пространства, расчлененного на улицы, кварталы, дома и комнаты. Успокоение на просторе происходит за счет внесения такого масштабного фона, перед которым отступает человеческая озабоченность повседневны-

ми проблемами, душа «расправляет крылья» и обретает (эстетически) желанные покой и волю. Таким образом, на предметно-пространственном уровне эстетическая гармонизация души в опыте «уютного» и «просторного» происходит за счет преодоления того привычного отчуждения от самого себя и от мира, в которое человек погружен «на работе», в непрестанных «заботах о хлебе насущном»²¹.

Эстетика уюта и эстетика простора соотносятся как эстетика «близкого» и «далекого», «малого» и «большого», «человеческого» и «природного»... Близкое и далекое равно *успокаивают* душу, в одном случае уводя человека «домой», в человекомерность обжитого и обустроенного пространства, в другом — выводя его по ту сторону суетливой повседневности города-муравейника на «вольный воздух», чья бескрайность способна — пусть на время — отодвинуть в сторону повседневные тревоги и заботы...²²

²¹ Недаром и «уют», и «простор» раскрываются через эпитет «родной». Мы говорим: «родные просторы», «родной/уютный уголок». И если чувство уюта, связанное с пребыванием в обжитом месте, где и вещи, и люди «до боли свои», легко соединимо с эпитетом «родной», то простор, казалось бы, не должен ассоциироваться с родным, однако язык свидетельствует об обратном. Простор, подобно уюту, воспринимается нами как что-то «родное», то это потому, что с пребыванием на открытом месте, когда глаз не натывается на преграды и тонет в «неоглядных далях», сопряжено с чувством покоя. Как родственное, родное (не в физическом, а в духовном смысле) человек воспринимает все то, встреча с чем дает ему в той или иной мере почувствовать присутствие «в душе» самого родного ему — Бытия, Другого, Бога, а потому простор, поскольку он оказывается связан с опытом чувственной данности особенного, Другого, получает эпитет «родного», что, впрочем, не отменяет и ближайшего смысла этого эпитета — знакомые места, родина, места, где я родился и где проходит моя жизнь...

²² Следует обратить внимание на то обстоятельство, что и *домашний мир*, и *бескрайнее пространство* могут способствовать рождению и иных, чем уют и приволье простора, эстетических переживаний: например, они могут рождать такие настроения, как скука и тоска, как чувство неприютности, неприкаянности... Но в этом случае следует говорить именно о «тоске», о «неприкаянности», о «скуке»,

Множественность языков и пределы герменевтической компетенции анализа уютного. Как было показано выше, анализ феномена «уютного» есть, одновременно, углубление, расширение и конкретизация семантического поля слова «уют», заданного языком. При этом важно помнить, что аналитическая работа осуществляется не в языковом контексте «вообще», а во вполне конкретной культурно-языковой среде, что накладывает ограничения на те выводы, которые исследователь делает по его результатам.

Анализируя феномен уютного, нельзя забывать о том, «уют» — русское слово, а потому дескрипция уюта будет раскрытием «уюта» в **русской культурно-языковой тради-**

а не о «просторе» («приволье») и «уюте». Эстетическое расположение не связано *узлами необходимости* с той предметной средой, в которой оно реализуется.

Эстетическое — событийно, свободно; одна и та же домашняя обстановка может навевать на нас и уют, и скуку, а бескрайний простор — связываться в душе как с чувством возвышенного покоя, так и с тоской бесприютности, с чувством заброшенности и неприкаянности.

У Чехова, например, бескрайнее пространство степи эстетически показывается в двух своих эстетических модусах: в рамках эстетики утверждения и в рамках эстетики отвержения. Трудно удержаться от того, чтобы не привести отрывок из рассказа «В родном углу», где Чехов изображает драматический поворот в судьбе вернувшейся на родину девушки (переход от юных надежд к однообразию серой обывательской жизни) чередованием образов бескрайнего пространства донецкой степи, которые то воспринимаются ей как полный покой *простор*, то как бесконечно однообразное и безразличное *пространство*: «Нужно было проехать от станции верст тридцать, и Вера... поддалась обаянию степи, забыла о прошлом и думала только о том, как здесь просторно, как свободно; ей, здоровой, умной, красивой, молодой — ей было только 23 года — недоставало до сих пор в жизни именно только этого простора и свободы. <...> А на душе было покойно, сладко, и, кажется, согласилась бы всю жизнь ехать так и смотреть на степь. <...> Этот простор, это красивое спокойствие степи говорило ей, что счастье близко и уже, пожалуй, есть... <...> И в то же время нескончаемая равнина, однообразна, без одной живой души, пугала ее, и минутами было ясно, что это спокойное зеленое чудовище поглотит ее жизнь, обратит в ничто» (Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 9. С. 313–314, 316).

ции. Феноменологический анализ «уютного» остается описанием «уюта», а не того, что, к примеру, немцы называют *Gemütlichkeit*. Феноменология «уютного», если бы она проводилась изнутри английского или, скажем, немецкого языкового универсума, скорее всего, привела бы нас к результатам в чем-то сходным, а в чем-то отличным от тех, что мы получили в ходе анализа *уюта*. Но диалог культур, обогащающий каждую из вступивших в него культур, предполагает не скрадывание различий, не пренебрежение ими, а их вдумчивое выявление. Осознание возможности *другого истолкования того же самого, казалось бы, опыта* есть единственно возможный *путь уяснения границ нашего собственного понимания этого опыта*.

Для получения более полного и объемного представления о том смысловом поле, которое задается уютным, следовало бы провести сравнительный анализ ближайших языковых аналогов «уюта» на других европейских языках, но поскольку у нас нет возможности сделать это в рамках статьи, то мы ограничимся тем, что приведем те замечания, которые делает на этот счет А. Д. Шмелев: «На французский язык слова *уют* и *уютный* едва ли переводимы, а в английском языке есть близкое по смыслу к русскому уютный, но не очень употребительное прилагательное *cozy*. Зато в немецком языке слова *Gemütlichkeit* «уют» и *gemütlich* «уютный» выражают одно из ключевых понятий немецкой культуры, несколько отличное, впрочем, от своих русских аналогов: если русское слово уют наводит на мысль о небольшом по размеру убежище, укрытии, то в основе немецкого *Gemütlichkeit* лежит идея настроения: *gemütlich* — это такой, который приводит в приятное, спокойное расположение духа. Голландские слова *gezelligheid* и *gezellig*, как и русские *уют* и *уютный*, выражают ощущение внутреннего покоя, но не предполагают отгороженности. Это ощущение естественным образом возникает у голландцев, когда они сидят у больших вымытых окон без занавесок, смотрят на улицу и понимают, что им нечего скрывать»²³.

²³ Шмелев, А. Д. С. 80–81. В небольшом комментарии к приведенной нами выдержке из работы А. Д. Шмелева нам хотелось бы обратить внимание на следующий момент: отличие уюта от

Следующим шагом в феноменологическом прояснении «уютного» должно быть описание тех характеристик домашней обстановки, которые способствуют формированию в доме уюта.

Преэстетические условия уютного. Прежде чем описывать предметные условия уютного как особого эстетического расположения, следует сделать несколько замечаний, касающихся роли этих (пре)эстетических условий в возникновении этого чувства. И здесь следует подчеркнуть: уют, уютное как эстетический феномен не следует отождествлять с вещами, которые служат его предметными референтами в переживании уюта. Уютное — это *событие* эстетического расположения. Находясь в одном и том же месте, мы можем испытывать или не испытывать чувство уюта, оно может быть *большим или меньшим* и т. д. Событийность, свобода эстетического опыта должна служить для его исследователя предостережением от «эстетического натурализма», от увязывания возникновения эстетического опыта исключительно с «объективно присутствующими» вещам эстетическими качествами. С позиций феноменологии эстетических расположений в эстетическое событие одновременно втягиваются и человек, и вещь, через восприятие которой человек открывает для себя Другое как особенное, при этом вещь воспринимается как эстетически значимая, а человек сознает себя как захваченного (эстетическим) переживанием тогда, когда Другое открывается человеку как что-то эстетически особенное в окружающем его мире.

Gemütlichkeit не правильно было бы усматривать в том, что русский уют, в противоположность его немецкому аналогу, якобы не выражает чувства «внутреннего покоя». Отличие следует видеть не в этом, а в том, что немецкий «уют» в отличие от русского уюта не отсылает к «приюту», «укрытию», «закрытому от посторонних глаз месту». Впрочем, в другой работе этот же автор высказал суждение, с которым нельзя не согласиться: «Сравнение слов уютный и *gemütlich* показывает, что ощущение непереводаемости какого-либо слова не всегда связано с собственно семантическими особенностями. Своеобразие слова *gemütlich* заключается в первую очередь в его культурной нагруженности, плотности ассоциативного поля» (Левонтина, И. Б. Родные просторы. Логический анализ языка. Языки пространств / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М., 2000. С. 346).

Все только что сказанное не отменяет важности анализа предметных условий, которые *способствуют* возникновению уютного как особого эстетического расположения (но отнюдь не *гарантируют*, что чувство уюта будет иметь место, если сделать то-то и то-то). Опыт уютного *возможен в определенных условиях*. Хотя «уютная обстановка», окружающая нас, сама по себе не спасает от скуки, тоски, чувства неприкаянности (а если нас охватила скука или тоска, то мы не почувствуем себя уютно даже в самом «уютном» доме), это не означает, что чувство уюта, его возникновение не зависит от предметной среды, нас окружающей. Зависит, и очень существенно.

Итак, каковы же те предметные условия, без которых уют как расположение не может иметь места?

1. Прежде всего, «уют» **предполагает, что человек находится в сравнительно небольшом, ограниченном со всех сторон** (или хотя бы с нескольких сторон) **пространстве**.

Большое, не занятое вещами пространство не благоприятствует возникновению чувства уюта. В большой и полупустой комнате человек чувствует себя потеряннным. Ему сложно и «физически», и «психологически» обжить слишком большую по размерам комнату. Даже давно знакомые, удобные вещи, если между ними и их хозяином пролегает слишком большое расстояние, кажутся «далекими», живущими «собственной жизнью», «отбившимися от рук». И в самом деле, если вы сидите на диване, а до стены напротив метров восемь или двенадцать, то предмет, стоящий у противоположной стены, не только физически (для глаза и тела), но и эмоционально-психологически от нас отдален. Значительное по объему пространство создает оптическую дистанцию между человеком и окружающими его вещами и тем самым мешает их душевному освоению, их превращению в «свои» вещи²⁴.

²⁴ То, что плохо для частной жизни, оказывается на своем месте там, где необходимо увеличить дистанцию между человеком как частным лицом и такого рода закрытым пространством, где он соприкасается с тем, что выходит за рамки «частного», «приватного». Внутреннее пространство кафедрального собора, тронный зал, зал заседаний парламента, актовый зал университета, концертный или театральный зал не должны настраивать входящего в их про-

Однако размер жилой комнаты *не должен быть и слишком маленьким*: нагромождение предметов, сдавленность пространства мебелью отнюдь не способствуют созданию уютной атмосферы. Чувство уюта возникает там, где **не чувствуется тесноты**. Слишком тесное пространство «давит», и человек ощущает дискомфорт от того, что его движения стеснены, что его взгляд то и дело «натывается» на стены, шкафы, кровати, тумбочки, так что он «задыхается» от «недостатка воздуха» в комнате. Пространство в этом случае как бы имеет тенденцию к «сжатию», угрожая «раздавить» хозяйина комнаты, а вещи ведут себя по отношению к нему недружелюбно: они «напирают на него», «наваливаются», «падают

пространство человека на «уютный» лад, напротив, их преэстетическая цель каждый раз будет особой, но всякий раз отличной от той цели, которую ставит перед собой человек, организующий домашнее пространство в горизонте представления об уютном. В общественных местах важно создать не атмосферу, благоприятную для погружения человека в его собственный мир, но нечто прямо противоположное: здесь необходимо сформировать пространство для взаимодействия множества незнакомых друг другу людей. Общественному зданию (помещению) соответствует другой масштаб, другая размерность структурирования внутреннего пространства и другой способ его оформления (мебель, интерьер, расстановка вещей и т. д.) Там, где необходимо подчеркнуть социальную дистанцию и вызвать у входящего соответствующее чувство, растет и размер помещения, в котором располагается «важная персона». Чем выше поднимается человек по ступенькам социальной лестницы, тем больше его кабинет: «большой начальник» не может сидеть в «маленькой комнатухе».

Если же говорить об «уютном», то этому расположению любящая официальность строго противопоказана. Уютные комнаты, в которых жили русские интеллигенты XIX-XX веков, совершенно перерождаются в своем преэстетическом качестве после их «музеефикации». У всех (почти у всех) мемориальных домов-музеев есть одно общее качество: они теряют способность излучать «тепло», сохранять домашнюю атмосферу... Заледеневшая на месте мебель, таблички с сухими пояснениями для экскурсантов, смотритель на стуле, веревочки, ограждающие экспозицию от непрошенных прикосновений, обдают забредшего в музей посетителя таким холодом, что после посещения дома, в котором когда-то жил любимый им писатель (ученый, мыслитель), его тянет где-нибудь погреться.

под ноги», образуют «завалы» и т. д. В небольшом, переполненном вещами и замкнутом пространстве обычно «скромные» «предметы домашнего быта» становятся «навязчивыми», «наглыми», они «ведут себя вызывающе», они то теряются в «хаотических нагромождениях», то «путаются под ногами». Слишком маленькое пространство (как и слишком большое) трудно **«обжить»**, навести в нем порядок, сделать его физически и душевно соразмерным человеку²⁵.

Идеальный порядок и чистота также противопоказаны пространству, которое хотели бы видеть «уютным», как и полное пренебрежение порядком и сопутствующее ему захламление домашнего пространства (пыльное одеяло на мебели, мусор, разбросанная повсюду одежда...), поскольку «стерильность» так же плохо сопрягается с «обжитым», «уютным» пространством, как и «заплеванный» пол.

Уютное вне дома. Итак, закрытость пространства есть важнейшее и наиболее общее условие возникновения чувства уюта. И хотя в центре этой статьи находится «дом» и домашний уют, следует отметить, что чувство уюта может

²⁵ Следует сказать об относительности критерия «величины» помещения как необходимого преэстетического условия для возникновения чувства уюта. В некотором смысле любое закрытое и прогретое помещение, если вы оказались в нем после того, как основательно промерзли или промокли, может вызвать в вас чувство уюта. Чувство уюта может возникнуть и в казарме, уютным может быть и гостиничный номер, и концертный зал. Однако в общем случае чувство уюта все же оказывается преэстетически связано с пребыванием человека в не слишком большом, но и не слишком маленьком помещении. Трудности в определении величины помещения, в котором человек может испытать чувство уюта, не означают, что этой границы нет: крытый рынок и закрытый стадион (так же, как и ангар или заводской цех) не могут вызвать чувства уюта.

Любые точные цифры в определении оптимальных размеров помещения, которое воспринималось бы как уютное, будут заведомо условными. Одному человеку будет неуютно и в комнате площадью 25 квадратных метров, а другому и сорокаметровая комната покажется уютной. И все же «большое» и «маленькое» не есть здесь то, что не имеет границ. Они есть и определены размерностью человеческого тела.

посетить человека не только в доме, но и за его пределами, в местах лишь частично закрытых. Уютным может быть двор (здесь уместно упомянуть известную картину Поленова «Московский дворик») и просто закрытое местечко в парке или в лесу. Так, читатель, конечно, согласится, что скамья, с трех сторон окруженная деревьями, притягательна для гуляющей публики именно присущей такому месту «уютностью»: там, под сенью старых лип, и в жаркий летний день царит прохлада, там в мягком полумраке сладко дремлют музы «покою», «укромности» и «уединения». Он, вероятно, не будет спорить, что лесная поляна на берегу небольшого, заросшего камышом и окруженного со всех сторон деревьями озера²⁶ — также может служить примером преестетически «уютного» места вне дома²⁷. Уютные места «на природе», как и уют домашнего пространства, могут формироваться «сами собой», а могут и создаваться в качестве таковых человеком. В регулярных парках прошлого предусматривались специальные «зеленые кабинеты» для отдыха и уединения, а пространство пейзажных парков планировалось как чередование открытых и закрытых (уютных) пейзажных пространств.

2. Чем больше в доме старых (и старинных) вещей, тем квартира уютнее. Хорошо знакомые, старые вещи — вещи очеловеченные. Старые вещи, с которыми человек живет бок о бок многие годы, — это как компания старых друзей, в чьем обществе ты чувствуешь себя уверенно и спокойно. Если уютное связано прежде всего с частной жизнью, то домашние вещи можно сравнить с родными людьми: с женой и детьми, с родителями, с кругом близких друзей. Но как люди не становятся друзьями в один день, так и домашние вещи входят в жизненный мир человека постепенно. Для

²⁶ Чтобы такое место было уютным, важно, чтобы деревья не росли слишком близко друг к другу, чтобы на берегу оставалось небольшое открытое пространство, как бы «зеленая комната» с видом на закрытое со всех сторон водное «оконце».

²⁷ Следует отметить, что барочный парк предполагал создание уютных «зеленых кабинетов», то есть небольших по размеру и замкнутых со всех сторон зелеными «стенами» мест, предназначенных для отдыха, уединения и размышления.

создания атмосферы уюта важна мера вхождения домашних вещей в жизнь конкретного человека, и чем она больше — тем выше преестетический потенциал дома. Чем дольше вещь находится бок о бок с вами, тем больше она очеловечивается, «анимируется». Можно сказать, перефразируя известную поговорку о «старом друге», что «старая вещь — лучше новых двух». Конечно, старая вещь «лучше» не в смысле тех удобств, которые она предоставляет и даже не с точки зрения ее способности доставлять эстетическое удовольствие красотой своей формы (новая вещь может быть красивее старой), а с точки зрения ее способности содействовать вхождению человека в уютное расположение.

В том, что касается способности производить впечатлительные надежности и основательности, у старой вещи есть существенное преимущество по сравнению с вещью новой: чем дольше мы пользуемся вещью, тем в большей мере мы можем на нее положиться, поскольку точно знаем, чего от нее можно ожидать, а чего — нет (дедушкино кресло, может быть, и скрипит, но мы уверены, что под нами оно не развалится). Старая вещь — проверена временем, ее основательность укоренена в том далеком времени, когда она была изготовлена и стала служить человеку.

Отсутствие на вещи следов времени отчуждает ее от человека. Новая вещь только юридически принадлежит хозяину, но «по жизни» она существует как бы в «ничейной зоне», до поры до времени она — только «продукт», обладающий потребительскими качествами, но не вещь, имеющая собственную «биографию», связывающую в один узел вещь и человека, которому (которым) она служит. Вещь без царапин и вмятин — вещь еще чужая, неосвоенная, а потому эстетически воспринимаемая как «холодная», «мертвая». Одним словом, новая вещь экзистенциально абстрактна, а старая — конкретна²⁸.

²⁸ Не случайно Андерсен сделал персонажем одной из самых знаменитых своих сказок старого оловянного солдатика. Старую игрушку (шире — вещь) легче представить одушевленной, наделенной душой, сознанием и индивидуальной судьбой, чем игрушку новую, ничем не отличимую от других, во всем подобных ей продуктов ремесленного и тем более — массового, поточного производства.

Пятая стена (прошлое как укрытие)

Наш пароходик отходит в светлое прошлое,
И половины пути не успев отсчитать,
И настоящее время с лицом перекошенным
Плакать не станет на пристани и причитать.

<...>

Наш пароходик отходит в светлое прошлое.
Не без волнений отходит и не без труда.
Не потому, что так хочется нам невозможного,
Просто не хочется больше уже никуда.

Олег Митяев. «Светлое прошлое»

Присутствие в доме *старых* и *старинных* вещей дает человеку чувство укорененности в прошлом, связывает его частную жизнь с историей народа. Жизнь, которой принадлежит старая вещь, именно как прошлая жизнь, воспринимается нами как *завершившаяся, как принадлежащая прошлому*, и эта завершенность прошлой жизни, присутствующая в старой вещи, делает ее эстетически притягательной. Старая, а тем более старинная вещь, привлекает нас потому, что она сопутствует нам в настоящем, но при этом настоящему времени не принадлежит. В этой «непринадлежности» «текущей минуте» заключено присущее ей особенное обаяние, обаяние старинного. Ушедшее обладает особым, ни с чем не сравнимым очарованием... Ушедшее свершившееся — совершеннее настоящего и будущего и воспринимается как «милое», «красивое». Как здесь не припомнить хрестоматийные пушкинские строчки: «Все печально, все пройдет, / Что пройдет, то будет мило». И хотя в старом, как и в красивом, мы имеем дело с завершенным и совершенным, но чувство, которое вызывает в нас «старое», следует все же отличать от переживания «красивого»²⁹.

²⁹ Чувство красоты, к сущности которой издревле относили совершенство формы вещи (прекрасная вещь — вещь, в полноте являющая собственную «чтойность»: совершенные кувшин, девушка, корабль — прекрасны, почти совершенные — красивы), можно соотнести с переживанием старины: в старых и старинных вещах мы имеем дело с *совершенством как завершенностью во времени*.

Старое — «*мило*». Милое — значит хорошее, привлекательное. Милое любишь не за что-то, а «просто любишь» (вспомним пословицу: «Не по хорошу мил, а по милу хорош»). Старые вещи хороши, милы именно как старые, то есть мы любим их не за их предметные качества и свойства (вещь может быть удобной, дорогой, редкой, нужной и т. д.), а за их выключенность из мира подручного и наличного, их исключенность из «текущей повседневности», которая (онтически) есть «здесь и теперь». Старая вещь, находясь «тут», посреди «дня сегодняшнего», вместе с тем и являет нам ушедшее «там»; она уже состоялась в своем прошлом и теперь дает нам почувствовать свою инаковость, другость эстетически. Подчеркиваем, что старая вещь отсылает нас не только к чему-то определенному (к определенному прошлому, к хронологически и исторически определенному моменту), но к **свершенности-завершенности**, к Другому, к тому, что неналично. Старая вещь позволяет нам пережить далекое как близкое, она — то, что есть и не есть, она несовершенна (когда-нибудь исчезнет из мира) и совершенна (как предьявительница прошлого, которое совершенно в своей свершенности), она есть что-то (старый стол) и ни-что (Время есть не «что-то», но «ничто»). Старая вещь близка человеку тем, что являет собой, своим телом Время, в которое вовлечена и вещь, и человек, ее созерцающий.

Уют создается вещами, присутствующими в настоящем, но обращенными в прошлое, откристаллизовавшееся в ста-

Совершенство старинной вещи воспринимается как свершенность ее бытия, а не как совершенство чувственно-телесного обнаружения «чтойности» вещи. Вещь может и не быть красивой, но в то же время как старинная, как принадлежащая тому далекому времени, что навсегда ушло и больше не повторится, то есть как свершенность прошлого, она являет нам совершенство: «что прошло, то будет мило». Однако переживание старины старой вещи не есть переживание красоты. Старая вещь может быть милой и без того, чтобы мы признали ее красивой или прекрасной, хотя если старая вещь еще и красива, то, переживая ее как старую, мы можем в то же время наслаждаться и ее красотой.

рых вещах, в их потертостях и трещинках, в их щербинках и оплывших формах. Эти эстетические консерваторы, эти завзятые традиционалисты способны своим видом (а старая и особенно старинная вещь всегда выглядит «солиднее», чем ее новый аналог) внушить чувство надежности, покоя, основательности³⁰.

Старые и старинные — свершенно-совершенные (в своем бытии) вещи эмоционально защищают человека от непредсказуемого будущего с его амбивалентной ценностной модальностью и специфической переживаемостью: будущее — это возможность иного, это свобода (будущее открыто, оно манит как неоглядный простор), но в то же время — это непредсказуемость бытия, это пугающая неопределенность существования, не обеспеченного прошлым и настоящим, в конце концов, будущее открыто свертыванию человеческого существования в точке его конечности, в смерти — этой универсальной мерке человеческого существа. Будущее напоминает о смерти, прошлое говорит о рождении. Человека будущее *влечет* и *пугает* одновременно. Будущее представляет собой **временной аналог пространственной открытости** (временной аналог простора), которая может восприниматься и как положительная ценность (простор, приволье, раздолье), и как «ценность» отрицательная, как то, что подавляет ограниченного в пространстве-времени человека своей однообразной далью (и, соответственно, тоской, скукой, неприкаянностью). Будущее делает человека незащищенным от вторжения враждебных его существованию сил, будущее — это «место», которое в принципе невозможно оградить от вторжения «губительного». Негатив будущего — это «юр», где человек чувствует себя заброшенным и беспомощным.

³⁰ Проведите мысленный эксперимент: представьте себе старинный, легкий по своим формам стул и такой же по габаритам и форме новый стул и скажите, какой из двух стульев кажется более солидным, основательным? Думаю, что все согласятся: таковым окажется старинный стул, чья укорененность в прошлом эстетически делает его более «устойчивым», «основательным», «прочным» по сравнению с его собратом-современником.

Таким образом, *старое* и *старинное*, которое окружает нас «у себя дома»³¹, является точным **аналогом стен**, закрывающих место нашего бытования-проживания от непрошенных вторжений из «открытого всем ветрам» пространства. В окружении вещей, которые много лет служили человеку, его семье, а может быть, и каким-то другим, незнакомым, давно умершим людям (его собственным предкам или предкам «других»), он чувствует себя «как за каменной стеной». Старые вещи представляют собой онтолого-эстетическую *стену, временную ограду из прошлого*. В огороженном прошлым домашнем пространстве все привычно, надежно и, следовательно, **покойно, уютно...** Приходя в уютный старый дом, человек входит в *пространство предсказуемости*, то есть в пространство, сформированное прошлым (ведь привычное, знакомое, уже свершившееся и есть *прошлое в настоящем*); там он обретает желанное состояние внутренней гармонии. При этом не важно — приходит человек в свой дом или в чужой. Тепло, исходящее от старой обстановки, в доме другого человека воспринимается еще острее, чем в собственном: здесь биографический (онтический) контекст, соединенный со старыми вещами, отсутствует, так что онтологическая составляющая переживания старины старой вещи дает о себе знать ярче, определеннее, чем в собственном жилище. Гостю открывается именно «прошлое», а не воспоминания о горячо любимых «дядюшке» или «тетушке»³². Подведем не-

³¹ У каждой старой вещи есть биография. Тот, кто взял бы на себя труд изложить ее, вероятно сказал бы о том, где, когда и при каких обстоятельствах она была изготовлена, а потом куплена, подарена или получена по наследству, какие житейские события были с ней связаны, какие огорчения и какую радость она принесла людям, которые владели ей когда-то.

³² Если посмотреть на жизнь человека с точки зрения корреляции ее пространственных и временных координат, то следует сказать, что дома он живет в *настоящем, пространственно развернутом в прошлое*, вне дома, за его стенами он открывает себя *настоящему, развернутому в будущее*, а оказавшись за границей города, поселка, деревни — в лесу, на море, в степи или в горах — человек чувствует себя *оказавшимся «вне линейного времени», в пространстве, открытом вечности*.

которые итоги. Проведенный выше анализ свидетельствует, что это вещи-заступники, **оберегающие человека во времени так же, как стены дома ограждают его от нежелательного вторжения «извне» в пространстве.** Эстетический эффект от присутствия в доме старых вещей такой же, как от закрытости пространства, без которого нет дома: это чувство покоя и гармонии с собой и с миром, это уравновешенное расположение духа, которое применительно к «пространству частной жизни», определяется как чувство «уютя». Присутствие в доме старых вещей — одна из составляющих в ряду тех преэстетических условий, которые работают на создание в доме уютного расположения.

3. Одно из важных и необходимых условий возникновения чувства уюта — тепло. В холодном доме уютно не бывает. Причем речь идет именно о *тепле*, а не о жаре и духоте (**в комнате было жарко и уютно*). Тепло — это такая температура, которая уже не ощущается человеком как «холод», но еще не воспринимается им как «жар». Тепло расслабляет, снимает напряжение (и физическое, и психологическое), но не приводит к упадку сил и ощущениям дискомфорта, апатии, вялости — характерных примет жары и сопутствующей ей духоты.

Не меньшее значение для создания атмосферы уюта имеют также огонь и свет. Печь и/или камин издавна были внутренним центром дома, источником тепла и света. Они были его физическим, психологическим и символическим центром. Здесь не место подробно углубляться в эстетику открытого пламени и света, но каждый согласится с тем, что открытое пламя в доме — будь то огонь камина или мерцающее пламя свечи (лампады) — создает особую, камерную и интимную атмосферу, располагающую к неспешному дружескому общению, к размышлению, к углублению в воспоминания и т. д. Эту атмосферу иначе как уютной и не назовешь. Живой, подвижный свет свечей (камина) создает ту затейливую игру света и тени, повинуюсь которой, вещи, предметы обстановки, люди то уходят в тень, то становятся ясно различимы... Контуры вещей при таком освещении смягчаются, предметы как бы приближаются к нам не только в

восприятию их пространственного положения, но и в том, что касается переживания их близости человеку: они словно оживают, очеловечиваются, одушевляются. Здесь, при свете живого огня, тепло и свет которого оттеняется ночным мраком за окнами дома, домашний мир воспринимается именно как «свой», «домашний», а предметы обихода, мебель, утварь воспринимаются не как подручные вещи, а как почти живые «существа», населяющие дом, дружелюбно настроенные к живущим в нем людям. При дневном и ярком электрическом свете такое восприятие вещей возникает не часто: вещи воспринимаются отчетливее, яснее, рациональнее. Вот почему уютнее всего в доме бывает вечером, ночью, когда за окнами темно, а в доме горит настольная лампа или ночник³³.

4. Созданию в доме атмосферы уюта способствуют спокойные и естественные тона. Яркие, пестрые и — тем более — «ядовитые» краски этому, напротив, не способствуют. Они слишком много берут на себя, слишком привлекают к себе наше внимание, причем «делают это» как бы помимо нашей воли. Они «навязчивы», «несдержанны», «экспансивны», наконец, «своевольны»: они воздействуют на человека, привлекают к себе внимание «всегда», не справляясь с нашим настроением. Яркое и пестрое будоражит, а не успокаивает, не мирит нас с миром и с собой, а скорее «выводит нас из себя». От яркого и пестрого хочется отвести глаза («перевести взгляд»), но сделать это в замкнутом пространстве не так-то просто, особенно если яркими и пестрыми оказываются не отдельные, небольшие по размерам предметы, а стены, пол, мебель, драпировка на окнах. Яркие, открытые, интенсивные цвета — цвета праздника, а не буден, то, что уместно на ярмарочной площади или на карнавале, оказывается не к месту в домашнем мире. Яркие краски в камерном пространстве квартиры мешают обретению душевного покоя, они хороши время от времени и «по поводу», но жить в их окружении человеку трудно.

³³ Соответственно, если в доме используется только электрическое освещение, то для создания в нем уютной атмосферы предпочтительнее использовать неяркий, желтоватый по окраске местный свет.

В противоположность яркому и пестрому, которое агрессивно «бросается в глаза», светлые, пастельные тона и цвета, преобладающие в природе (травянисто-зеленый, коричневый всех оттенков, синий, белый), успокаивают нас, помогают «прийти в себя» после трудового дня.

Цвета, приглушенные белым (разбеленные) или черным (темные по тону), богатство полутонов и гармоничное сочетание цветов располагают к отдыху, спокойному общению, чтению, тихим домашним занятиям.

5. Преэстетически значимыми для создания уютной атмосферы будут **материалы**, из которых сделаны вещи, а также их **форма** и **фактура**.

Предметы из натуральных материалов (дерево, камень) и **материалов, не маскирующих** (под краской, пленкой, бумагой) **своего первородного облика** (кованный металл, чугунное литье, бумага и фарфор, керамика и т. п.), **способствуют созданию в доме уютной обстановки**. Напротив, предметы из синтетических материалов нередко этому мешают. Последнее нуждается в пояснении. Недостаток «тепла» во многих вещах и современных отделочных материалах, изобретенных человеком за последнее столетие, можно объяснить как раз их *сравнительной новизной, непривычностью*, а уют, как мы помним, ориентирован на привычное, хорошо знакомое, следовательно, основательное, надежное. Кроме того, синтетические материалы не просто новы, но еще и (об этом современный человек осведомлен через средства массовой информации) в той или иной мере вредны (выделяют опасные для здоровья химические вещества, затрудняют обмен воздуха и т. д.) и даже опасны (легко воспламеняются и выделяют вещества, приводящие к отравлению и смерти). Понятно, что материалы, угрожающие (потенциально) здоровью и жизни, не могут способствовать рождению чувства уюта, в основе которого лежит идея укрытия, надежного приюта, защищенности в кругу знакомого, привычного, безопасного. В данном случае не чувственно данный облик вещи и ее фактура, а господствующие в обществе «мнения» препятствуют новым материалам вписаться в круг преэстетически уютных материалов. Наконец, синтетические материалы не-

редко внешне маскируются производителем под привычные, традиционные (а потому — ходовые) природные материалы: пленка, ламинат, линолеум, пластиковые панели имитируют дерево, камень, керамическую плитку, ткань и проч., то есть под материалы, ассоциирующиеся с традиционными представлениями об уюте, надежности, красоте. Однако имитация как симуляция дерева, камня, металла, ткани, если она опознана (искусственность, симулятивность вещей из пластика раньше или позже бросается в глаза, не говоря уже о том, что владелец вещи всегда знает, из чего вещь изготовлена), всегда отталкивает от себя, как любая подделка, как обман и «пустая видимость». Симулятивность вещей из новых материалов, имитирующих «природу», вызывает неосознаваемый человеком страх перед *вещью-оборотнем*. То, что по сути есть одно, но выдает себя за другое, всегда вызывает опасения, всегда пугает, и есть в нашем сознании то, на что нельзя положиться и что требует постоянного внимания и бдительности. Особенно неприятными материалы-имитаторы становятся по мере своего старения, поскольку тут их «неподлинность», их «кривлянье» обнаруживается с особенной отчетливостью. Любая царапина, вмятина, пятно, скол обнажает их «нутро», ибо следы времени, следы старения совсем поразному выглядят на настоящем дереве и на том, что его имитирует, на камне и на его имитации. Вот почему материалы-лицедеи мало способствуют покою, вот почему между ними и человеком можно ощутить холодок отчуждения и становится понятно стремление людей по возможности окружить себя вещами из натуральных, привычных материалов, не выдающих себя за то, что они не есть на самом деле.

Заметную роль в создании преэстетических условий для уютного имеет характер **фактуры** материалов, из которых изготовлены домашние вещи, и фактурных характеристик самих вещей. **Мягкая мебель и драпировки, ковры, половички, шторы** способствуют созданию атмосферы «уюта». Мягкое (а любая ткань и драпировка всегда воспринимается как что-то более мягкое, чем дерево, металл, стекло или пластмасса) ассоциируется с женским, материнским началом. Соответственно, мягкое располагает к отдыху и покою, в то время как твердое, блестящее, гладкое, прямолинейное, угло-

ватое заставляет собраться, быть настороже, подтянуться. Вот почему не только материал и фактура вещей, **но и их форма** может рассматриваться с точки зрения того, в какой мере она располагает к рождению в доме уютной атмосферы. Так, например, округлые и овальные формы, сглаженные углы предметов, ассоциируясь с «растительным», «живым», «женским», способствуют созданию атмосферы уюта, а обилие острых углов и прямых линий — будем ли мы здесь говорить о планировке комнат, формах мебели или элементах декоративной отделки дома — скорее работает против уютного, чем на него.

6. В создании уютной обстановки определенную роль играют **произведения искусства**. При этом их присутствие не является необходимым условием уютного как расположения (в отличие от первого преэстетического условия уютного), но они, бесспорно, способствуют его возникновению. Речь идет прежде всего о произведениях живописи и графики, о скульптуре и декоративно-прикладном искусстве. Причем произведения, наполняющие внутреннее пространство дома и настраивающие на уютный лад, — это произведения, созданные в рамках классической эстетической парадигмы, то есть в рамках эстетики прекрасного и красивого (даже не возвышенного). Эстетика эпатажа, эстетика шока, провоцирующая в зрителе реакцию отшатывания, столь часто встречающаяся в работах искусства модерна и постмодерна, здесь будет совершенно не уместна.

Красивое — суть соразмерное по форме, оно ласкает глаз как чувственно данное, ладность, **гармоничность** предмета, полнота и самодостаточность³⁴; красота *успокаивает* чело-

³⁴ *Эстетически* совершенной (совершенной в нашем восприятии, а не с «объективной», научной или технической точки зрения), то есть прекрасной, будет та вещь, чувственный образ которой настолько хорош, что мы чувствуем, что любое его изменение может лишь повредить осуществленной в ней гармонии. Любуясь прекрасной вещью, мы понимаем, что здесь «ни убавить, ни прибавить», любуясь красивой вещью, мы восхищаемся ее гармоничностью, но при этом отмечаем и имеющиеся в ней отклонения от совершенства.

века *как замкнутая в себе цельность*³⁵. Таким образом, красота оказывается — по своей эстетической сути — согласна с уютом; и если нельзя сказать, что уют делает вещи (в нашем восприятии) более красивыми, то можно утверждать, что красота способствует возникновению чувства уюта. Преэстетически красивые вещи работают на создание уюта, но сама по себе красота произведений искусства и домашней обстановки в целом не есть еще достаточное для возникновения уютной атмосферы условие. Квартира, дом могут радовать глаз, производя «приятное впечатление», но при этом не давать чувства уюта. Однако *красивый новый* дом может когда-нибудь стать *красивым уютным* домом³⁶.

³⁵ В каком-то смысле можно говорить о том, что представление древних греков о космосе как об упорядоченном, хорошо закругленном и выразительном, а потому прекрасном целом (чья онтологическая структура была детально проработана неоплатониками) — это представление *об уютном доме*, у которого есть границы, в котором царит порядок и в котором не может случиться ничего неожиданного. Представления средневекового человека также были ориентированы на мир-дом, на мир как премудрое творение Бога, которое хоть и оказалось повреждено вследствие первородного греха, но все же и по сей день хранит в себе Божественную Премудрость. Мир — это дом, созданный Богом для человека как венца творения. И только представление о мире, сформированное в Новое время под влиянием научной рациональности, как «физическое пространство», «объект познания» и «рационального использования». Конечно, сила науки, ее познавательная мощь как раз и есть прямое следствие того, что она порвала с религиозно-мифологическими представлениями о мире как уютном доме и взглянуло на мир «объективно». Цивилизация, связанная с техно-наукой, чем дальше, тем больше теснила «уют» старых космологических представлений человечества и разрушала уют как феномен домашнего быта. Уют как регулятивная идея «дома» чем дальше, тем больше заменяется понятием «комфорта», который в современном сознании легко разложим на свои ключевые компоненты: удобство, безопасность и «эстетичность». Наша эпоха — эпоха все расширяющегося опустынивания, дегуманизации жизненной среды, время, когда потеряно внутреннее равновесие, а тишина и покой все реже нисходят в людские души.

³⁶ Важно отметить, что с атмосферой «уюта» сочетается именно чувство красивого, но не чувство прекрасного (под прекрасным мы понимаем безусловно красивое, красивое вне всякого сравнения).

7. Присутствие в доме растений и животных способствует созданию атмосферы уюта. Уютный дом — это дом, хорошо обжитый, это место, где человека окружает «свое», «родное», «близкое». Мир как модель большого мира, как человекоразмерный микрокосм без домашних растений и животных не полон, не завершен. Растения и домашние животные делают дом *жилым* даже тогда, когда у человека нет семьи и он живет в нем один. Они его встречают, когда он возвращается домой, и провожают, когда он уходит из него. Человек привязывается к ним, а они привязывают его к дому. Даже одинокому человеку в этом случае есть зачем спешить домой: его ждут «домочадцы», за которыми надо ухаживать, которых надо накормить и напоить. Домашние животные — «свои» животные, домашние растения — «свои» растения: это полномочные представители царства животных и царства

Чувство прекрасного как редкое и предельное эстетическое переживание, как безусловное эстетическое расположение не может соединяться с чувством уюта, предполагающим душевный покой и гармонию. Как все крайнее, прекрасное хоть и относится к эстетике утверждения и гармонизирует человеческую душу, приобщая ее к благодати Целого, но как острое, яркое переживание оно ее потрясает, и как актуальное эстетическое и экзистенциальное событие прекрасное не совместимо с уютным. Старые вещи могут восприниматься в рамках эстетики линейного времени («старое» как условное эстетическое расположение наряду с молодым и зрелым), «красивое» и «маленькое» — может быть источником соответствующих эстетических переживаний, но эти вещи, способны в домашней обстановке «стусhevаться» в качестве «красивых», «старых», «маленьких» и воспринимаются не «по отдельности», а как предметная составляющая уютного расположения. Это возможно потому, что все названные нами феномены суть условные эстетические расположения и как и уют, относятся к области условных эстетических расположений. Уют, подобно старому, красивому, маленькому всегда может быть оценен в относительной системе координат: в доме может быть *более* или *менее* уютно и *более* или *менее* не уютно. Отдельно взятая вещь может восприниматься и как «красивая», и как «маленькая», и как «старая», но вещи, взятые в домашней обстановке как цельной преэстетической среде, могут способствовать возникновению чувства уюта.

растений в микрокосме человеческого жилья. Домашние растения и животные, включенные в домашний мир, ничем не угрожают человеку, более того, они зависят от него, они привязаны к хозяину, они его друзья, его «братья меньшие». Оставаясь растениями и животными, фиалки и фикусы, собаки и попугаи, молчаливые рыбки и шумные канарейки даже видом своим во многом обязаны человеку, им «очеловечены», и без человеческой заботы и внимания их жизнь нередко просто невозможна. Оставаясь частью мира животных и растений, они давно уже стали частью мира человеческого, стали «культурными» животными и растениями. В них непредсказуемость, стихийность и «чуждость» дочеловеческого мира снята или сведена к минимуму.

8. Человек живет не только в природном, но также и в социальном мире. И главный источник опасности, угрозы, беспокойства (как, впрочем, и источник радости) — это другой человек. **В доме, где живут близкие друг другу, хорошо друг друга знающие и взаимно расположенные люди, созданы благоприятные условия для уюта.** Если дом ориентирован на преобразование мира в домашний микрокосм, то дом будет не полон, если в нем рядом с домашней утварью, растениями и домашними животными не будет «другого человека». Уют как расположение суть такое состояние человека, когда его душа свободна от забот и тревог в привычной, удобной и приятной домашней обстановке. А хорошо и спокойно человеку бывает с людьми, которым он доверяет, которых давно знает и любит. Дом — это «Ноев ковчег», в котором человек ищет спасения посреди ежедневных забот и опасностей, а ковчег не полон без «другого», без «других». Вот почему чувство уюта сильнее в домах, где живут счастливые семьи, чем в домах людей одиноких.

Впрочем, другой в доме, если он не «твоя другая половина», не твой «друг», а чужой, не оставляет надежды на обретение уюта. Непонимание и раздор в семье, подозрительность и холодность в отношении домашних исключают рождение чувства уюта даже в том случае, если во всех других отношениях дом располагает к покою и уюту. Совместная жизнь с людьми, которые тебе чужды, может превра-

титель дом из места, где человек обретает внутреннее равновесие и гармонию с собой (пусть и относительную, условную гармонию), в «юр», в место, куда не хочется возвращаться, в самое неуютное место на свете. О чувстве уюта в семье, где люди друг друга только *терпят*, говорить не приходится. И если «домой возвращаться не хочется», то сколько ни драпируй окна, сколько ни обставляй комнаты мягкой мебелью — уютнее в нем не станет.

Продолжение статьи — в следующем выпуске